

Даг Хаммершельд и Борис Пастернак

27 марта 1959 года отец принял Генерального секретаря ООН Дага Хаммершельда. Они уже присмотрелись друг к другу, встречались в 1956 и в 1958 годах. Хаммершельд у нас считался проамериканским политиком, в отношениях Запад – Восток не отступавшим от продиктованных Государственным департаментом США приоритетов. В этом он ничем не отличался от большинства собеседников отца из того мира. Но нам выпало жить на одной планете, считал отец, значит надо принаравливаться друг к другу.

Эта встреча, наверное, не заслуживала бы упоминания, так как ничем особо не выделялась в бесконечной череде разговоров и переговоров с западными деятелями из разных стран, если бы не Пастернак. Начав рассказывать о роли отца в этой неприятной истории, я считаю себя обязанным поставить точку.

В марте того года он отдыхал на недавно построенной государственной даче на мысе Пицунда в Абхазии. На соседней даче жил Анастас Микоян. Хаммершельда они принимали вместе, полуофициально, почти по-домашнему, что отнюдь не упростило переговоры. Их темы, как и позиции сторон, не менялись все последние годы: Германия, разоружение, ядерные испытания, и собеседники заранее знали, какой ответ прозвучит.

Некоторое оживление внес обед. Стол накрыли на втором этаже – там из огромных окон столовой открывался вид на море. Во время обеда, в числе других тем, заговорили и о Нобеле за «Доктора Живаго». Хаммершельд, член Нобелевского комитета, голосовал за присуждение премии и теперь попытался объяснить отцу, что решение они принимали, оценивая исключительно литературные достоинства, безо всякой политической подоплеки. Отец, естественно, считал иначе и с ехидцей поинтересовался, читал ли гость роман, а если читал, то на каком языке. Хаммершельд замялся, роман он читал, но на не родном ему английском. Это все равно что прочесть справку о романе, содержание понятно, а вот судить о языке, стиле и иных, чисто литературных особенностях художественного произведения по переводу на чужой язык, вряд ли возможно. Отец сказал, что он роман не читал, но ознакомился со справкой о нем, весьма негативной. Затем он, без нажима, попенял Хаммершельду, что его голосование в Нобелевском комитете не вяжется со статусом Генерального Секретаря ООН. По положению ему следовало бы держаться над схваткой, воздержаться при рассмотрении вопроса однобоко мотивированного политически и идеологически.

Хаммершельд убедительных аргументов в защиту своей позиции не нашел, но и сдаваться не собирался. Под видом разговора о литературе они заговорили о политике, а уж тут общего мнения у них быть не могло. Расстались мирно, но недовольные друг другом.

Отец посчитал, что все темы исчерпаны, на следующий день разговаривать им по существу более не о чем, но и продолжать ссориться тоже нет никакого резона. Он придумал маленькую дипломатическую хитрость – предложил Хаммершельду вместо протокольной беседы за столом прокатиться по морю, благо был штиль, на прогулочной шлюпке. Отец сел на весла, Хаммершельд уселся на корме. Места для переводчика не нашлось. Катались они больше часа, обменивались улыбками, любовались игрой волн. Отец впоследствии шутил, что эти «переговоры» у них с Хаммершельдом прошли на редкость удачно. Хаммершельд

не обиделся, обещал, при случае, прокатить Хрущева на своей лодке, но тогда уже он займет место на веслах.

С Хаммершельдом отец встречался еще не раз, порой дружески беседовали, порой разговаривали на повышенных тонах, но темы Пастернака больше не касались. И для отца, и для Хаммершельда, этот незначительный эпизод холодной войны отошел в прошлое и интереса не представлял.

На следующий день, 28 марта 1959 года, отец с Микояном принимали старого приятеля, фермера Гарста с женой. Тут стороны с полуслова понимали друг друга, говорили не только о любезном и Гарсту, и отцу сельском хозяйстве, но шутили, вместе гуляли и тоже катались на лодке, опять без переводчика.